

— Сколько нам еще идти?

Гарри подавил гнев, вызванный вопросом Рона, изо всех сил стараясь не напоминать своему другу, что он уже задавал этот вопрос пять раз с тех пор, как они вошли в Министерство, и что ответ все тот же; Я не знаю! Его раздражение усугублялось тем фактом, что очень скоро взойдет полная луна, и, хотя теперь он мог контролировать форму, которую принимал, он не был застрахован от влияния лунного цикла на него. Он мог бы контролировать это, но суровая реальность заключалась в том, что он все еще был заражен ликантропией.

«Столько, сколько нужно!» — огрызнулась Гермиона резким шепотом, и Гарри улыбнулся ответу своей девушки. По крайней мере, я не единственный, кто теряет терпение.

Они успешно проникли в Министерство незамеченными благодаря сотрудничеству и внутренним знаниям Рега Каттермоула. Обслуживающий персонал вывел их из их убежища в задней части театра в другой глухой переулок Лондона, который выглядел почти так же, как там, где они только что были.

Как только он собирался спросить, что делает Редж, пожилой мужчина тайком огляделся, прежде чем тихо снять металлическую решетку со стены рядом с ним, закрывавшую вентиляционное отверстие, встроенное в стену здания.

После секундного колебания Редж пролез в дыру в стене и потребовал, чтобы они шли за ним.

— Это часть системы вентиляции всего министерства. Эти трубы идут в каждый уголок здания, включая Визенгамот. Это будет тесное сжатие, но если мы будем вести себя тихо, мы сможем пойти куда угодно, и нас не заметят.

— Ты знаешь, куда идти?

« Я знаю каждый дюйм этой системы. Просто следуй за мной.

В результате они вскоре обнаружили, что ползут по квадратным трубам вентиляционной системы, которая была достаточно широкой и высокой, чтобы они могли поместиться на четвереньках. Следовательно, прогресс был очень, очень медленным, и последние пару часов Гарри мог видеть только подошвы ботинок Рега Каттермоула, который извивался позади него, как змея. Жара была невыносимой, и было трудно не запаниковать, когда на всех навалилась клаустрофобная реальность замкнутого пространства. Он еще раз проклял защиту Министерства, которая мешала им аппарировать через систему.

— Мы почти у цели, — внезапно прошептал Редж. — Труба впереди расширяется, — добавил он, и Гарри услышал в его голосе облегчение от перспективы большего пространства для маневра. Еще через несколько минут ползания они подошли к тому, что можно было описать только как узел вентиляционной системы, принявший форму небольшой камеры. Трубы тянулись во всех направлениях от того места, где они сейчас находились, и наличие лестницы,

ведущей к люку доступа, подсказало им, что это ключевой вход во всю сеть. Следовательно, у них было место, чтобы встать и, что более важно, потянуться.

'Где мы?' – настойчиво прошептала Гермиона, выгибая спину и вытягиваясь, как кошка.

Рег указал на гриль на полу в нескольких ярдах от него. — Мы прямо над Визенгамотом. Если ты сдвинешь эту решетку, ты сможешь упасть прямо в камеру.

Гарри наблюдал, как Гермиона упала на пол и поползла к грилю, заглядывая в него, как только добралась до него.

'Это потрясающе!' — воскликнула она. «Это позволяет нам делать то, что нам нужно, и дает нам доступ к полу камеры».

Гарри почувствовал прилив гордости от ее слов, и впервые с тех пор, как она изложила свои идеи, он действительно начал верить, что они могут остановить Сивого.

Он мысленно вернулся к тому моменту, когда у нее было прозрение.

— Мне кажется, я знаю, что задумал Сивый, Гарри. Нам нужно в министерство. Мы должны остановить его, пока не стало слишком поздно.

Когда он попросил у нее больше информации, она быстро объяснила ход своих мыслей.

— Первый среди равных, Гарри! Разве ты не видишь? Все дело в том, что Грейбэк ведет за собой остальных. Он знает, что оборотни никогда не будут равны людям.

— Итак?

Итак, он планирует опустить людей до уровня оборотней! Зелье! Зелье Снейпа! Я работал с ним в течение нескольких недель! По сути, это ликантропия в бутылке!»

— Но как он заставит их пить его?

'Он не будет. Крамп сказал это, хотя и не понял значения. Он сказал, что Грейбэк замышляет свержение Кингсли.

— И?

«Падение, Гарри. Кингсли установил версию Падения Воров у входа в Визенгамот! Грейбэк тесно сотрудничает с кем-то из Magical Maintenance! Я бы поставил свою жизнь на то, что он

саботировал систему безопасности. Сегодня каждый участник пройдет через эту арку и будет опрыскан зельем! Сегодня полнолуние, и он собирается заразить все правительство ликантропией! Какая тогда цена законодательства против оборотней?

Сначала он хотел опровергнуть ее предположение. Хотел возразить, что это безумие, что Сивому никогда это не сойдет с рук. Но чем больше он думал об этом; чем больше он обдумывал ее рассуждения, тем больше понимал, что все это подходит.

По крайней мере, он понял, что им лучше действовать быстро, потому что даже если она была неправа, это был тот случай, когда «лучше перестраховаться, чем потом сожалеть». Грейбек определенно что-то замышлял, и гипотеза Гермионы определенно стоила того, чтобы ее проверить.

Инстинктивно, однако, он знал, что она не ошиблась.

'Гарри!' — прошипела Гермиона. 'Быстро! У нас мало времени! Смотреть! Грейбек посреди комнаты разговаривает с Кингсли.

Гарри, не теряя времени, схватил решетку и быстро снял ее, чтобы они могли заглянуть в комнату и услышать, что происходит.

«Время? При чем тут время?»

Гарри показалось, что он узнал голос, но эта маленькая деталь не имела значения.

— Сейчас без четверти девять. — Почему?

Этот голос он узнал. Кингсли.

«Потому что в 12 минут 9 будет полная луна». Гарри чуть не содрогнулся, услышав знакомый протяжный голос Сивого.

'Итак? Мы заперли вас. Если вы измените это, это не повлияет на ваши обстоятельства.

Он услышал смех Сивого. — Вы меня неправильно поняли, министр. Вам следует беспокоиться не о моих обстоятельствах.

— Кто тогда?

- Всем, министр. У всех. Я заразил твою арку безопасности! Каждый член этой комнаты проглотил зелье, когда они вошли в эту комнату сегодня! Менее чем через минуту каждый из

вас превратится в оборотня!

— Милый Мерлин, Гермиона! Ты был прав! Быстро! У нас мало времени! воскликнул он.

Он наблюдал, как его девушка начала высыпать содержимое своей расшитой бисером сумочки на пол, молясь, чтобы они успели среагировать. Он снова посмотрел вниз, в комнату, с ужасом наблюдая, как члены Визенгамота один за другим падают на землю и начинают трансформироваться.

Боже мой...

Гермиона была на грани паники, когда отчаянно пыталась собрать флаконы с зельем, содержащим противоядие от яда Сивого. Ее руки дрожали так сильно, что она обнаружила, что может правильно сжать их. Именно в этот момент пара крепких рук схватила ее.

— Дыши, Гермиона, просто дыши.

Она посмотрела в голубые глаза своего друга и успокоилась, увидев уверенность на его лице. Она закрыла глаза и сглотнула, прежде чем сделать глубокий вдох.

— Спасибо, Рон. Мне это было нужно, — ответила она, прежде чем обратить внимание на поставленную задачу. Она собрала флаконы и обратилась к двум самым важным мужчинам в своей жизни. Один, ее бойфренд, другой дорогой друг.

'Гарри! Рон! Мне нужно, чтобы вы оба зашли в комнату. Затем я выпущу флаконы; вам двоим нужно будет разбить их, когда они упадут.

Гарри повернулся к своему рыжеволосому другу и улыбнулся. — Как твоя цель, Рон?

— Лучше, чем твой, Поттер, — ответил Рон с собственной улыбкой. — После тебя, — добавил он, указывая на открытое вентиляционное отверстие.

Гарри, не теряя времени, нырнул в дыру. Падение было значительным, но он применил Arresto Momentum на себя и смог замедлить его достаточно прилично, чтобы избежать травм. Приземлившись, он заметил, что Рон приземлился точно так же.

Он огляделся и бросил взгляд на сцену ужаса. Куда бы он ни посмотрел, делегаты и зрители Визенгамота кричали и корчились на полу и на скамейках, тщетно борясь против изменений. Он заметил, что некоторые уже трансформировались, и знал, насколько опасны эти люди. Они должны были действовать быстро.

Он поднял взгляд и, словно по сигналу, увидел, как Гермиона швырнула первую партию пузырьков с зельем через вентиляционное отверстие в потолке. Он быстро понял, что она, должно быть, наложила на них какое-то заклинание препятствия, когда они действительно очень медленно падали на землю.

Ты замечательная, блестящая, умная маленькая ведьма!

Не теряя ни секунды, он вытащил свою палочку и начал насыпать взрывные проклятия на пузырьки, которые мягко спускались сверху. При ударе по каждому флакону он разбивался и распылял тонкий туман на большую площадь, быстро покрывая каждый дюйм камеры Визенгамота.

'Что делаешь? Что ты делаешь, Поттер? голос, который он узнал, закричал от ярости и муки.

Гарри прекрасно знал, кто его допрашивал, но предпочел проигнорировать голос и вместо этого сосредоточился на поставленной задаче — стрелять по флаконам, пока они продолжали падать. Краем глаза он заметил, что Рон делает то же самое, и с немалым удовлетворением осознал, что его друг оказался не менее эффективным, чем он, в разбивании маленьких мишеней.

После того, что казалось целую вечность, но на самом деле это было меньше минуты активности, последний флакон был разбит, и он медленно опустил свою палочку. Он поднял голову и увидел, что его девушка - его девушка! - спрыгнул через вентиляционное отверстие и медленно соскользнул на пол, чтобы присоединиться к нему посреди комнаты. Он оглянулся и заметил, что Рон тоже направляется к ним.

— Что ты сделал, Поттер? Ответь мне!

Наконец Гарри повернулся к источнику голоса и посмотрел на Фенрира Сивого со всем презрением, которое он испытывал к убийце. Однако он предпочел не отвечать. Вместо этого он окинул взглядом зал и внимательно наблюдал, сработали ли их действия. Он видел несколько полностью трансформированных оборотней с замешательством на лицах, которое было бы почти смешным, если бы не серьезность их положения.

'Можно ли привлечь ваше внимание?!'

Гарри снова повернулся к Гермионе и понял, что она, должно быть, наложила на себя Сонорус, чтобы прорваться сквозь шумный гул комнаты.

«МОГУ ОБРАТИТЬ ВАШЕ ВНИМАНИЕ! НЕ ПАНИКУЙТЕ! НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ! МЫ ПРЕДОСТАВИЛИ ВАМ ВСЕМ ПРОТИВОЯДИЕ! ПОЖАЛУЙСТА, Сохраняйте спокойствие и сосредоточьтесь на своей человеческой форме. ЕСЛИ ВЫ НЕ ПРЕОБРАЗИЛИСЬ, ПРОТИВОЯДИЕ ПОЗВОЛЯЕТ ВАМ СОХРАНИТЬ ВАШУ ПРИРОДНУЮ ФОРМУ. ЕСЛИ ВЫ ИЗМЕНИЛИСЬ, СОСРЕДОТОЧЬТЕСЬ НА СВОЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ФОРМЕ И ИЗМЕНИТЕСЬ

ОБРАТНО!»

Гарри смотрел, как Гермиона повторяет свою мантру. Хотя ее голос был магически усилен, ее тон по-прежнему оставался мягким, а ее слова казались эффективными, поскольку все больше и больше людей в зале Визенгамота принимали человеческий облик и осторожно садились на свои места. Все еще царила атмосфера неистовой паники, а гомон голосов, смешанный с мучительным разглагольствованием Грейбэка и слышимым плачем многих участников, заглушал любые попытки восстановить порядок. Гарри инстинктивно подошел к Гермионе и крепко обнял ее.

— Я думаю, ты сделал это! Я думаю, это сработало!

Гермиона позволила себе сжаться в объятиях. — Думаю, ты прав, Гарри. Слава Богу!

Он понятия не имел, сколько времени потребовалось, чтобы восстановить порядок. Это могло быть пару минут или пару часов, таково было его ощущение нереальности. В конце концов, однако, Кингсли удалось встать и восстановить некоторые приличия в комнате.

'Гарри? Что сейчас произошло?' — спросил министр, явно подавленный событиями.

Прежде чем он успел ответить, голос со скамейки прервал его.

«Министр! Он не имеет права говорить в этом зале! Он оборотень!

Гарри повернулся к источнику голоса, на его губах сформировался гневный ответ, но прежде чем он успел заговорить, вмешался другой голос.

— Как и вы, мистер Диггори.

После слов Гермионы повисла такая глубокая тишина, что Гарри почувствовал, что действительно может ее понять.

'Какая?!' Наконец Амосу удалось крикнуть.

— Я сказала, вы тоже, мистер Диггори, — повторила Гермиона. Она спокойно переместилась в центр комнаты, и Гарри никогда не гордился ею так, как в этот момент. Она стояла среди тех, кто презирал ее за ее статус при рождении; кто охотился на нее из-за ее ликантропии; и она смотрела на каждого из них с уравновешенностью и спокойной уверенностью, которая говорила громче любых слов. В тот момент Гермиона Грейнджер была центром британского волшебного мира, и они ели из ее ладони.

Примус среди равных.

— Не могли бы вы объяснить, Гермиона? — наконец спросил Кингсли.

— Конечно, министр, спасибо, — вежливо ответила она. Она воспользовалась моментом, чтобы собраться с мыслями. — Вы, несомненно, уже знаете о масштабах амбиций Сивого? Что ему удалось получить от Волдеморта то, что можно описать только как «жидкая ликантропия»? Из вашего личного опыта, произошедшего несколько минут назад, вы все знаете, что это не блеф? Не просто слухи?

В зале царила тишина. Они ловили каждое ее слово.

«Вы знаете, что и я, и Гарри заражены ликантропией. Сообщения СМИ верны; мы оба оборотни в результате событий битвы за Хогвартс. Тем не менее, мы работали над лекарством. Нам также были доступны исследования Северуса Снейпа и благодаря усилиям многих, в том числе профессора Горация Слагхорна, было создано противоядие. То самое противоядие, которое мы ввели в этой комнате несколько минут назад и которое спасло каждого из вас! Если бы мы не прибыли вовремя, вы бы сейчас разорвали себя на куски, и только Сивый сохранил свои способности, достаточные для того, чтобы насладиться зрелищем.

— Что ты сделала, маленькая сучка? — закричал Сивый. «Это было делом всей моей жизни! Моя мечта!»

— Ты имеешь в виду твой кошмар, — спокойно ответила Гермиона. Она подняла пузырек с неиспользованным зельем. 'Закончилось. Там, откуда это взялось, есть еще много, и я могу сварить больше, если нужно. Я буду давать его каждому зараженному человеку, который захочет».

Казалось, это что-то спровоцировало в Грейбеке. «Ты не человек! Ты оборотень! Ты такой же, как я! Вы все такие же, как я! Я ОБОРОТЕНЬ! — закричал он, изо рта брызнула слюна, когда он разглагольствовал, а затем со скоростью, которая застала всех врасплох, он превратился в свою волчью форму и развел руки в стороны, разорвав связывавшие его наручники.

Внезапно он бросился к Гермионе, но не успел пройти и нескольких ярдов, как в воздухе пронеслась струя красного света, ударив его прямо в челюсть и оторвав при этом половину головы.

Сивый рухнул на землю, явно мертвый, кровь и мозговое вещество разбрызгивались по полу зала Визенгамота.

— А я волшебник, — мягко ответил Гарри, прежде чем медленно опустить палочку. — Я совсем не такой, как вы, — презрительно добавил он. В тот момент он не испытывал угрызений совести за то, что отнял жизнь, потому что видел перед собой умершего оборотня не более чем бешеным зверем. Вы не пытались рассуждать с такими существами; вы положили их вниз. Грейбек сделал свой выбор; он решил отказаться от своей человечности и принять монстра. За это не было искупления.

Он почувствовал, как его обвили руки, и повернулся, чтобы встретить в объятиях женщину, которую любил больше всего на свете. Они стояли, держась друг за друга несколько мгновений, прежде чем Гарри мягко отстранился. — Я полагаю, вы были чем-то заняты, мисс Грейнджер? — официально спросил он.

Гермиона улыбнулась его словам, несмотря на серьезность ситуации, прежде чем снова повернуться лицом к Визенгамоту.

«Министр? Я считаю, что есть несколько истин, которые необходимо разъяснить этому собранию ученых, собравшихся здесь сегодня».

— Какие истины? — выплюнул Амос Диггори. "Что еще можно сказать? Грейбек мертв! Его планы сорваны!

— Это правда, мистер Диггори? Его план состоял в том, чтобы проклясть каждого члена этой палаты ликантропией. Ему это удалось. Каждый человек в этой комнате — оборотень.

Рев возмущения, сопровождавший эти слова, был оглушающим. Со скамеек полилась какофония желчи, и Гарри снова поднял палочку и встал перед Гермионой, словно защищая ее от яда. Он с немалым удовлетворением отметил, что Рон переместился, чтобы прикрыть ее с другой стороны, с собственной палочкой в руке. Потребовались совместные усилия Кингсли и Главной ведьмы, чтобы наконец восстановить порядок.

— Мисс Грейнджер? Не могли бы вы объяснить? — наконец спросил Кингсли, как только в комнате стало тихо.

— Нечего объяснять, министр, — ответила она. — Вы все знаете, что я говорю правду. Вы все почувствовали перемены. Вы все чувствуете это сейчас; Луна взывает ко всем вам, пока я говорю. Зелье Грейбека на самом деле представляет собой жидкую ликантропию, и вы все заражены. Мое собственное зелье не является лекарством. Это просто метод контроля.

Словно демонстрируя, Гарри несколько секунд наблюдал за тем, как она превращается в волка, прежде чем резко вернуться обратно. — Я могу контролировать свою форму, министр. Я могу измениться по своему желанию, и теперь я могу оставаться в своей человеческой форме, даже несмотря на то, что сегодня ночью на небе полная луна. Я все еще проклят. Технически я все еще оборотень. И так все вы! Продолжать! Трансформируйтесь! Вы все знаете, что можете! она бросила вызов.

Кингсли долго смотрел на нее, словно взвешивая будущее их мира. Затем он закрыл глаза и переместился, и там, где когда-то стоял высокий, красивый и достойный мужчина, теперь сидел длинный, свирепый на вид оборотень. Через несколько секунд он снова принял привычную человеческую форму.

Словно действуя как спусковой крючок, все больше и больше членов зала меняли форму на несколько секунд, прежде чем вернуться обратно. Было несколько заметных исключений; бывшие министры Фадж и Тикнесс решительно отказались это сделать, а Амос Диггори бросался в глаза тем, что оставался в своем человеческом обличье, но это не имело значения. Замечание Гермионы было сделано.

Но она не была закончена. Отнюдь не. Она посмотрела на своего друга Кингсли и поняла, что он, по крайней мере, понимает последствия того, что произошло, даже если никто в комнате этого не понимает. Даже Гарри, поняла она.

«Министр! Главная ведьма! Дistinguished члены Визенгамота! она начала. «Как прилежный студент как истории, так и политики, я считаю своим долгом поднять вопрос порядка в этих слушаниях».

— У вас здесь нет статуса, мисс Грейнджер. Ты забываешься, — сказал волшебник, которого она не узнала, но по его возмущению она поняла, что этот человек не был союзником.

— У меня здесь такой же статус, как и у любого другого в этом зале, — спокойно ответила она. «Кодекс поведения оборотней 1637 года очень ясен в этом вопросе. Никакой ведьме или волшебнику, зараженному ликантропией, не разрешается занимать место в Визенгамоте, а также занимать какую-либо должность в правительстве. Она сделала паузу, прежде чем бросить свою бомбу. «Каждый член этого правительства и каждый член Визенгамота, присутствующий здесь сегодня, заражен ликантропией, и поэтому согласно Закону им запрещено занимать свои нынешние должности».

Она повернулась к Кингсли, когда шок от ее слов проник в сознание каждого человека в комнате, и она не удивилась, увидев кривую ухмылку на лице министра, несмотря на серьезность их положения. Она также знала, что все взоры в зале обратились на Главную Ведьму, которая лишь пожала плечами под пристальным вниманием.

'Она права. Все, что она сказала, абсолютно верно. Если мы все заражены ликантропией, никто из нас не имеет права находиться здесь по действующему Закону.

Все взгляды снова обратились к Гермионе.

— Что вы предлагаете нам делать тогда, мисс Грейнджер? — пронизательно спросил Кингсли. Хотя он и не был политиком, он понимал, что в этот конкретный момент Гермиона Грейнджер была силой в комнате. «Мы не можем управлять свободным и справедливым обществом без правительства, и Визенгамот не может заседать без своих уважаемых членов. У вас будет анархия?»

«Я бы не стал министром. Я хочу верховенства Закона, — ответила она.

— Итак, что вы хотите, чтобы мы сделали?»

Только гораздо позже у Гарри появилось время поразиться тому, как британское магическое правительство уступило в тот момент маглорожденной ведьме-подростку. Весь зал ловил каждое ее слово, и он понял, что она играла на них, как на старой скрипке. Она показала им проблеск ада и теперь предложила им спасение, и сделала это всего несколькими короткими предложениями.

— Мне пришло в голову, министр, — наконец продолжила Гермиона, — что distinguished членам будет позволено голосовать во время этой конкретной сессии Визенгамота. Когда сессия началась, каждый член имел право присутствовать здесь и голосовать по любым возникающим вопросам. Я считаю, что Закон дает нам достаточно возможностей, чтобы помочь нам избежать анархии.

'Как так?'

«Я полагаю, что если бы Кодекс поведения оборотней 1637 года был изменен или даже отменен во время этой сессии, то члены могли бы занять свои места в будущем, независимо от их проклятия. Однако, если сессия будет закрыта с этим законодательством, тогда ни один человек в этом зале не сможет снова занять свое место, если закон не будет изменен. И не будет членов, способных изменить закон; сегодня здесь присутствуют все подходящие кандидаты».

После этих слов последовала долгая тишина, которую наконец нарушил Матиас Фоли, один из самых яростных выступавших против оборотней на предыдущих дебатах.

«Я предлагаю провести голосование за немедленную отмену Кодекса поведения оборотней 1637 года!» — воскликнул он.

«Прикомандирован!» — проревел хор голосов после потрясенной паузы. В комнате вспыхнул бедлам, и Гермиона подавила смех, взглянув сначала на удивленное выражение лица Кингсли, а затем повернувшись к ошеломленному потрясенному лицу своего парня.

Главная Ведьма встала и несколько раз ударила молотком по столу перед собой.

'Заказ! Заказ! Я наведу порядок в этой комнате! воскликнула она. Как только шум стих, она продолжила более спокойным голосом. «Я принимаю призыв к голосованию об отмене Кодекса поведения оборотней 1637 года, а также об отмене любого другого закона — детали будут определены позже — которые могут запретить тем, кто страдает ликантропией, занимать свои места в этом зале и в нашем правительстве. Все, кто за, пожалуйста, поднимите свои жезлы».

Результат был, конечно, единодушным, и члены Визенгамота чуть не вывихнули локти — такова была скорость, с которой они поднимали свои жезлы.

— Все против? воскликнула Главная Ведьма, следуя протоколу к письму. Ни одна палочка не была поднята.

'Да будет так! Да будет так! Визенгамот высказался. Настоящим отменяется все законодательство против оборотней. Да будет так!'

В зале послышался вздох облегчения, когда участники упали на свои места. Большинство все еще выглядели в состоянии шока, и Гермиона вспомнила старую маггловскую песню 17-го века времен Гражданской войны в Англии; «Мир перевернулся».

Почему мы должны быть связаны добрыми законами?

Но давайте будем довольны, и время плачет, вы видите, что мир перевернулся вверх дном.

Этот день войдет в британскую магическую историю, в этом она не сомневалась. Их мир перевернулся. Но сейчас, когда она почувствовала теплые объятия своего бойфренда, ей было достаточно знать, что они победили; что они победили Грейбека и сняли с себя нависшую над ними угрозу тюремного заключения. Она повернулась к Гарри и крепко сжала его.

Впереди еще долгий путь, но, может быть – только может быть – мы сможем что-то спасти из этой неразберихи.

Гарри остановился в дверном проеме и глубоко вздохнул, когда значение входа в эту комнату в этот день наконец дошло до его сознания. Это было 1 сентября 1998 года, и Хогвартс, наконец, снова открылся после нескольких месяцев интенсивной работы. Его личный путь к этому моменту жизни был наполнен болью, надеждой, катастрофой, потерей, триумфом, отчаянием, радостью и, в конечном счете, любовью. Теперь, когда он осматривал гостиную кабинета директора в башне Гриффиндора, он на несколько минут задумался о том, как чудесно было вернуться в Хогвартс без угрозы нападения, тюремного заключения или даже внезапной насильственной смерти, нависшей над ним и теми, он любил.

Это был обычный момент за три необычайных недели.

Непосредственным следствием судьбоносного заседания Визенгамота стала политическая кровавая баня. Почти сразу после того, как Верховная Ведьма объявила заседание оконченным, и как только пыль улеглась, ряд ведущих Чистокровных немедленно разыскали Кингсли и оспорили законность только что проведенного голосования. Громогласно делались заявления о «чрезвычайных обстоятельствах» и «принуждении», но Кингсли просто уклонился от таких обвинений, потребовав от каждого члена Визенгамота, включая его самого, пройти тестирование на ликантропию.

Для министра это был простой вопрос. Либо один был проклят, либо нет. И как только все члены палаты были проверены и признаны проклятыми, Кингсли предложил им прямой выбор; во что бы то ни стало аннулировать только что проведенное голосование, но сделать это, твердо зная, что Визенгамот не может быть воссоздан с нынешними членами.

Гарри улыбнулся этой мысли. Неудивительно, что ни один член не призвал к отзыву

голосования после подтверждения результатов теста. В конце концов, индейки не голосуют за Рождество.

Затем министр приказал вызвать Пия Тикнесса, Корнелиуса Фаджа и Амоса Диггори для допроса в ответ на заявление Грейбэка о том, что они работали с Грейбэком над подрывом Министерства и финансировали его нападения. Первые двое во время допроса под Veritaserum признались, что снабжали Грейбека средствами и информацией о потенциальных целях. Их цель состояла в том, чтобы раздуть пламя настроений против оборотней, достаточное для того, чтобы заставить Кингсли проиграть голосование. Чего они не понимали, так это того, что Грейбэк играл в свою игру.

Кингсли и Гарри испытали облегчение, что Амос ничего не знал об этих заговорах. Хотя тот факт, что его так легко использовали, не очень хорошо отражался на его суждениях, он, по крайней мере, освобождал его от дальнейших санкций. Амос мог возобновить свои обязанности, но его влияние сильно уменьшилось. Он все еще был критиком, но события заткнули ему рот.

Чего нельзя было сказать о двух бывших министрах, которые теперь ожидали суда по обвинению в подстрекательстве к мятежу.

Гарри остановился в своих размышлениях и, наконец, вошел в номер, который он будет называть домом следующие десять месяцев. Он состоял из просторной общей комнаты с удобным на вид диваном, стоявшим перед камином, и парой столов из красного дерева, один для старосты и один для старосты. Большой книжный шкаф уже был заставлен книгами, которые, как он знал, принесут Гермионе огромную радость. Двери по обеим сторонам комнаты вели в спальни Старосты и Старосты соответственно.

Не то, чтобы комната старосты будет многопользовательской.

Они с Гермионой уже побывали в квартире и решили, что апартаменты старосты намного лучше этих двух. Поскольку им предстояло делить постель, было правильно и правильно, что они выбрали лучшую комнату. Он подошел к двери и заглянул в апартаменты, с некоторым удивлением заметив, что домовые эльфы замка уже положили оба своих имущества в спальню старосты.

Они знают абсолютно обо всем, что происходит в этой школе.

Он вошел в комнату и подошел к своему сундуку, присел и медленно открыл крышку, полностью осознавая важность возможности выполнить такую, казалось бы, незначительную задачу. Он не был до конца уверен, что когда-нибудь вернется в школу.

Гермиона была непреклонна; она не хотела, чтобы он вернулся, чтобы закончить седьмой год в Хогвартсе только потому, что она решила завершить свое образование. Она прочла ему лекцию о личном выборе; об опасности чрезмерной зависимости; о его ранее заявленном желании

стать мракоборцем и о том, что Кингсли предложил ему место в учебной академии. Она говорила о посттравматическом стрессовом расстройстве и о том, что Хогвартс может послужить спусковым крючком, поскольку это была сцена такого кровопролития. Она упомянула обо всем этом и многом другом, прежде чем он наконец сообщил ей о своем решении. Он отмечал ее пункты один за другим.

'Я возвращаюсь в Хогвартс, Гермиона, потому что я хочу вернуться в Хогвартс. Если я не смогу вернуться в замок сейчас, я буду бежать от своих демонов до конца своей жизни. Кроме того, я не хочу быть аврором; уже нет. Я достаточно сражался за десять жизней, и с меня покончено. Я не совсем уверен, чем бы я хотел заниматься в жизни. Может, научить? Может соцзащита? Я еще не знаю, но я знаю, что если мне нужны варианты, мне нужно сначала закончить свое образование. Я не собираюсь жить за счет своей славы; Я собираюсь заработать то, что я получаю в жизни. Что касается чрезмерной зависимости от вас? Поздно. Этот корабль уже уплыл, глупая ты ведьма. Если ты хоть на секунду думаешь, что я охотно проведу десять месяцев отдельно от тебя, значит, ты не так умен, как я думал. Ты все еще не понимаешь, ты? Ты моя жизнь, Гермиона. Независимо от обстоятельств, я всегда выберу тебя».

Он обернулся, услышав приближающиеся шаги, и его лицо расплылось в широкой улыбке, когда предмет его мыслей вошел в их апартаменты.

'Готов идти?' она спросила. — Почти девять тридцать; вероятно, будет лучше, если мы прибудем туда задолго до отправления экспресса на случай, если кто-нибудь из студентов придет раньше.

Гарри с любовью посмотрел на нее. Они договорились с директрисой МакГонагалл, что заселятся в свои апартаменты до начала учебного семестра, а затем отправятся в Кингс-Кросс, чтобы сесть на Хогвартс-экспресс со своими сверстниками. Идея заключалась в том, что это позволит им сосредоточить все свое внимание на возвращающихся учениках в первую ночь в замке. Вручая им значки, Минерва сказала, что в этом году роль Старосты и Старосты важнее, чем когда-либо. Хогвартс пострадал; прошел через самые тяжелые испытания, и исцеление будет нелегким. Старшие студенты были жизненно важны для успеха наступающего учебного года.

Она также заявила, что не может вспомнить еще двух достойных получателей значков за все годы, что она училась в Хогвартсе.

Он протянул руку и не мог не быть в восторге от того, как она подошла к нему и позволила ему обнять себя. Его лучший друг. Его девушка.

Его любовник.

После всего, что произошло, им, наконец, удалось уделить немного времени себе. Родители Гермионы вернулись домой, как только им сообщили, что угроза, исходящая от Сивого, миновала. Они с готовностью двинулись обратно, но не раньше, чем вручили ключи от коттеджа Гермионе.

« Будь хорошим. Быть в безопасности. Мы любим вас обоих», — вот и все, что сказала им Хелен Грейнджер, прежде чем крепко обнять их обоих.

Коттедж стал их убежищем в течение нескольких недель после заседания Визенгамота. Казалось, все в Волшебном Мире хотели получить их кусочек. Когда в средствах массовой информации появилась новость о том, что все правительство заражено ликантропией, началось национальное безумие. Затем это безумие, казалось, удвоилось за одну ночь, когда выяснилось, что Гермиона Грейнджер создала лекарство от болезни и что она, Гарри Поттер и Рон Уизли в очередной раз помешали силам зла.

Во всяком случае, так оно и крутится, подумал Гарри с мрачным весельем. Чистокровный элемент Визенгамота хотел прояснить, что зелье Гермионы на самом деле было лекарством, а не просто контролирующим агентом. В результате его подругу чествовали как в Великобритании, так и за границей, хотя она решительно добивалась того, чтобы кредит был отдан нужным людям. Горацию Слизнорту нравилось быть в центре внимания, но Гермиона ясно дала понять, что Северус Снейп был главным виновником. Его признание может быть дано посмертно, но она хотела убедиться, что его работа была признана.

Вдобавок ко всему, Кингсли просил его и Гермиону присутствовать в Министерстве как можно чаще. Хотя он ненавидел эту идею, он осознавал, что, публично поддерживая Кингсли, когда его акции снова взлетели вверх, он мог помочь склонить общественное мнение в сторону реформаторской программы. Первоначальные признаки свидетельствовали о том, что они добились реального прогресса в этой области.

Они провели время с Роном и остальными Уизли, и было приятно восстановить эти связи. Между ними и Джинни сохранялось хладнокровие, и он не был уверен, что это когда-нибудь изменится, но обнаружил, что ему все равно. Они полностью наладили свои отношения с Роном, и когда их самый дорогой друг получил письмо из Хогвартса, он был счастлив найти в нем столь желанный значок капитана по квиддичу. С собой и Гермионой в качестве старших учеников, Роном в качестве капитана и Невиллом в качестве старосты семикурсников Гарри чувствовал, что Гриффиндорский факультет находится в хорошей форме к предстоящему году.

Но вся эта деятельность отнимала у них огромное количество времени, и в результате хижина у моря стала их убежищем; место, где только они вдвоем могут сбежать и отгородиться от мира. Они использовали это убежище, чтобы вместе пересечь свой последний Рубикон, и, наконец, полностью отдали себя другому...

...и они так наслаждались этим опытом, что повторяли представление при каждой возможности. В очередной раз он поймал себя на том, что считает свое благословение любовью Гермионы к книгам; она исследовала этот аспект их отношений так же тщательно, как и любой другой предмет, который занимал ее воображение, и результаты были... довольно приятными.

В общем, жизнь была почти идеальной, и на этот раз у него не было ощущения, что ботинок вот-вот упадет.

Наконец он собрался с мыслями и слегка откинулся назад, выйдя из их объятий, и нежно посмотрел на своего возлюбленного.

— Я готов, — наконец ответил он. 'Готовы на все. Давайте начнем жить.

Вместо ответа Гермиона наклонилась вперед и страстно поцеловала его, прежде чем, наконец, разорвать объятия. «Тогда пошли», — прошептала она, задыхаясь, и взяла его за руку, прежде чем провести их обоих через дверь их номера и повести их к остальной части их совместной жизни.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539953>